

В ПОИСКАХ МЕТАФИЗИЧЕСКОГО ГЕРОЯ РУССКОЙ ИСТОРИИ ИЛИ СНОВА О РУССКОМ ГАМЛЕТЕ

С.А. Смирнов

Новосибирский государственный университет
экономики и управления – «НИНХ»
E-mail: Smirnov@nsaem.ru

В статье ставится проблема самоопределения в русском самосознании. До сих пор не утихают споры по поводу того, что такое быть русским, что такое русский герой в русской истории. На примере работ М.Я. Гефтера автор прослеживает традицию, идущую от Чаадаева, относительно метафизического характера самоопределения героя в русской истории. В качестве версии предлагается образ Гамлета как метафизического героя русской истории.

Ключевые слова: самоопределение, история, герой в истории, проблема Запада и Востока, религиозная русская идея.

Я – американский писатель, родившийся в России и получивший образование в Англии, где я изучал французскую литературу, прежде чем провести 15 лет в Германии.

В.В. Набоков
Из интервью журналу «Плейбой»

Вместо введения

Многие знатоки кино помнят фильм А. Куросавы «Расёмон». В нем рассказывается о том, как четверо персонажей становятся свидетелями случая, происшедшего в лесу. Это фильм про то, как один разбойник напал на самурая и девушку, которые проезжали по лесу. А в кустах сидел крестьянин, который пошел в лес для заготовки дров. Между ними что-то случилось. Затем все они рассказывают про то, что случилось. Фильм, собственно, и состоит из нескольких рассказов о том, что произошло в лесу. Но все рассказы отличаются друг от друга. В зависимости от того, кто рассказывает, выстраиваются разные версии происшедшего. Четыре участника (самурай, девушка, крестьянин, разбойник) каждый по-своему рассказывали о случившемся и выставляли себя в более выгодном свете. Либо героем становится самурай, либо разбойник, либо девушка. Либо истину доносит крестьянин.

Но интересно то, что ни один свидетель и участник события не стал последним и окончательным носителем истины. История так и осталась тайной, сокрытой тьмой леса.

Идея истории

Эта забавная история лишняя раз говорит о том, что судить об истории, т.е. о том, что произошло, всякий раз, мягко говоря, проблематично, если не договориться о каких-то критериях видения и смотрения на то, что произошло. Поэтому судить о русской истории вдвойне проблематично, поскольку и видение сложно

устроено, и сам объект видения сложен. А претензии разных «ведов» и теоретиков истории на то, что они-то знают загадку русской истории и русской цивилизации, говорят лишь о том, что они сами – всего лишь те свидетели истории из фильма «Расёмон». И вот, сидят они на полянке и спорят, что есть русскость и что есть российская цивилизация. И каждый претендует на истинность.

В свое время философ и историк Р.Дж. Коллингвуд написал работу «Идея истории» [6]. Я не отношусь к его последователям, но он заметил одну простую вещь, которая, впрочем, была известна многим. Просто среди историков он выразил ее достаточно выпукло. Он выделил как минимум три аспекта в том, что происходит, и три фигуры, которые судят о происходящем.

Первый аспект – собственно то, что произошло. Некое прошлое само по себе. Это трудно себе представить, но, впрочем, в классической парадигме так привыкли думать, допускать, что есть нечто само по себе и его надо открыть. Этим и занимается историк, открыватель и рассказчик того, что на самом деле (якобы) было.

Второй аспект выделяет психолог, т.е. тот, кто мыслит о прошлом. Носитель некоего видения о прошлом. И тогда сама мысль о прошедшем становится историей. История истории, мысль об истории, становится вторым слоем прошлого и мыслью первого порядка, по Р.Дж. Коллингвуду.

Третий аспект – соотношение прошлого и мысли. Здесь рождается философия истории, мысль о мысли по поводу прошлого. Это мысль второго порядка.

Философия истории, т.е. собственно идея истории, рождается на этом перекрестке, на скрещении прошлого и мысли о прошлом и на выявлении дополнительного смысла, которого нет ни в самом прошлом, ни в мысли о прошлом. Тогда мы пытаемся понять смысл истории.

Сами эти представления о многоаспектности идеи истории сейчас давно не новы. Можно вспомнить и школу Анналов, и работы историков науки (история науки – это история ученых, их биографии и поиски), и изыскания А.Я. Гуревича и его коллег, и работы М.Я. Гефтера, о котором пойдет речь ниже. Но мне важна в данном случае не полнота представлений. Мне важен прецедент. Статья не носит характер описания всего, что написано про идею истории. Она носит характер размышления.

Мне важно пометить, прежде чем переходить к разговору о русской истории, то, что сама идея истории у нас нуждается в сильном предварительном понимании, прежде чем опрокидывать ее на Россию как на субъект истории и прежде чем давать ей какие-либо оценки.

Итак, оттолкнувшись от предложений Р.Дж. Коллингвуда, представим себе более развернуто, что есть идея истории?

Сначала введем ряд положений и проиллюстрируем наше представление (рис. 1).

Начинается все с некоего произошедшего случая. Масштаб его выясняется потом. Становится ли этот случай событием всемирного масштаба или он значим для отдельного человека или двух – это становится ясным позже. И это становление случая в событие зависит не от него самого, а от тех, кто начинает этот случай как-то объяснять и рассказывать о нем. Итак, первый уровень всякой истории – это уровень происшедшего, того, что произошло. В нем участвуют люди. Они потом называются участниками события (на рис. уровень 1).

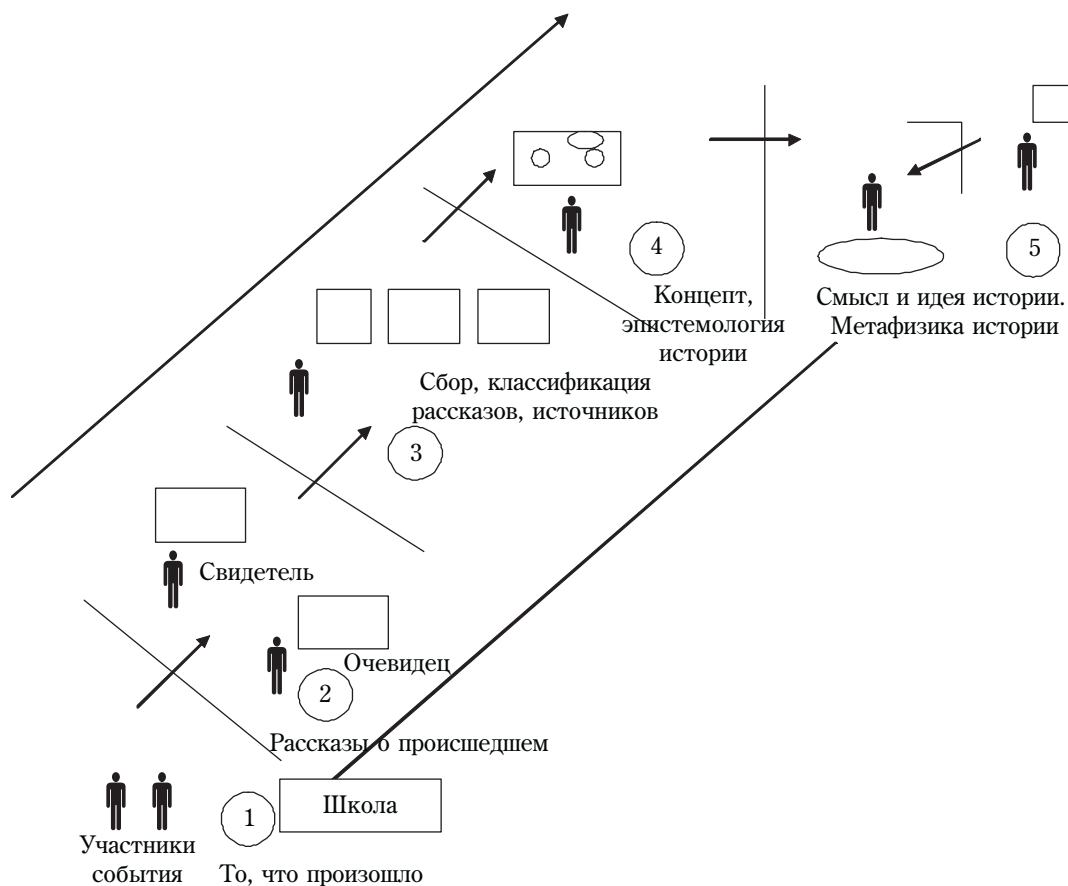

Рис. 1. Лента разворачивания истории

Далее про то, что произошло, либо участники его, либо свидетели пытаются что-то рассказать другим, которые не были участниками события. Здесь и начинается собственно история. Первым таким историком был Геродот, собиравший байки и сплетни о Греко-персидских войнах. Историк – это рассказчик. Он рассказывает о прошедшем на основе собранных им рассказов очевидцев (расскажи мне, как было). И эти самые очевидцы и свидетели рассказывают. Но получается, естественно, так, как в том фильме «Расёмон». В рассказах можно услышать всякое, в том числе и небылицы. Это второй уровень истории (на рис. уровень 2).

Далее все эти свидетельства как-то надо собрать, классифицировать, описать и превратить в некий источник (письменный или устный). Тогда устные предания и письменные рассказы становятся историческими документами, по которым потомки пытаются понять, что же произошло. С этим имеет дело источниковедение как историческая дисциплина (уровень 3).

Далее эти источники пытаются не просто отклассифицировать и проинтерпретировать, но проанализировать и построить некий концепт происходящего. Рождается собственно историческое знание, отличающееся от простого рассказа тем, что рассказ пронизан некоей идеей, идеологией, видением того, кто рассказывает. Рождается эпистемология, система истори-

ческих знаний, формируются исторические школы, рождается историография (уровень 4).

И последний уровень предполагает, что само историческое знание включено в некую философскую рамку, предполагает некую основу – зачем и во имя чего рассказывается о событии? В чем его значимость? На этом уровне оформляются смысл и идея истории. Событие с точки зрения Бога и Человека, с точки зрения всемирно-исторического смысла. И тогда распятие бродячего учителя становится началом новой эры Христовой.

Но теперь оглянемся и посмотрим в целом на все уровни в некоем конфигураторе. Получается, что само исходное событие становится событием лишь на пятом уровне, пройдя все трактовки и упаковки предыдущих уровней. И собственно историей случай станет, лишь имея все пять слоев в своей исторической памяти. И нам в этом смысле уже надо иметь все пять уровней, чтобы понять – что же произошло. То есть, мы смотрим на то, что произошло глазами всех пяти уровней. Несколько вариаций рассказов в фильме А. Куросавы именно это и предполагали. Об одном и том же рассказывалось несколько раз, и каждый раз выделялся не просто новый рассказчик, но зритель всякий раз поднимался все выше и выше.

Случай становится историческим событием лишь с точки зрения Бога и Человека, Смысла и Идеи. Если эта рамка не задается, то не задается и сама рамка Истории как онтологической идеи (см. об онтологических идеях в нашей работе [11]). Или наоборот – некий случай просто не дотягивает до исторической рамки. Он не раздвигает исторический горизонт.

В этом плане история – это прохождение по ленте развертки истории и увязка всех пяти уровней в рефлексивных стыках-узлах между ними. В истории – истории столько, сколько в ней исторической рефлексии. Выявление, отслаивание в ленте истории ее слоев и увязка их в рефлексивных стыках и есть собственно историческое мышление.

На всех пяти стадиях всегда возникает развилка – тот, кто понимает, собирает и оборачивает происходящее на себя. Нечто происходит всегда с конкретными людьми. Не бывает чего-то происходящего ни с кем или абстрактно. Что-то произошло всегда с кем-то. История в этом смысле всегда конкретна и личностна. Событийна. Только адрес события и его масштаб всегда меняются.

История в таком случае – это история конкретного человека. Как история психологии в свое время рассматривалась Л.С. Выготским как его, Л.С. Выготского, история, история развития его идей и мыслей. Но для этого он должен был стать сам всемирной лабораторией. Полигоном мысли Л.С. Выготского была вся мировая психология и антропология.

То же самое проделывали и Аристотель, и И. Кант, и Г.В.Ф. Гегель, всякий раз пропуская всемирную философию через себя и делая ее предметом своей личной рефлексии. И сами становились полигоном разворачивания истории философской мысли.

У многих историков до сих пор присутствует стереотип, согласно которому приближение к происшедшему есть приближение к истине, т.е. собственно к истории. Чем ближе к событию, тем ближе к истине. Историк выглядит в таком случае, как археолог, раскапывающий, снимающий слой за слоем и докапывающийся до истинных ценностей. Но при этом любой археолог знает, что история

начнется не тогда, когда ты откопаешь кости, а когда начнешь описывать и интерпретировать то, что откопал. Более того. История становится богаче и объемнее, картина происшедшего становится многообразнее, если отходишь от нее. Историй в этом смысле столько, сколько в ней метафизики. Или столько, сколько полных прохождений по ленте разворачивания истории, которую мы изобразили на рис. 1.

Но коли так, то всякий раз происходит выворачивание наизнанку. Для историй-событий у нас в виде метафизик, т.е. рамочных идей-допущений, есть готовая картинка. Эти онтологические идеи сидят в головах философов как заготовки и формируют естественные события.

В свое время А.А. Пузырей разделял психологию на психологию секрета и психологию тайны [10]. В первом случае у психолога есть заготовка в виде готовой теории. Он прикладывает к человеку заготовленное клише и его формочкой формирует его. Для такой психологии человек заранее известен. Он сначала не понятен, но его можно разгадать. Есть психология отгадки и разгадки, психология секрета, который пока не ясен, но его можно разгадать.

В отличие от этой психологии есть психология тайны. Психология поиска тайны человека. У Л.С. Выготского она выстраивалась вокруг проблемы Гамлета [2].

По аналогии можно сказать, что есть история секрета и история тайны. По первой историк раскрывает как детектив секрет убийства, рано или поздно раскручивает то, что произошло. Это история отгадок, раскопок и открытий.

А история тайны занимается историей поиска тайны человека. Такая история возможна при иной антропологии, антропологии возможного человека, нераскрытого, проблемного. При отказе от готового проекта человека.

Но чтобы не происходила метафизическая изнанка, чтобы мы не впадали в крайности либо натурализма, либо спекуляций, необходимо, чтобы произошла встреча между собственно событием и его всемирным смыслом.

С одной стороны, должно было произойти событие – распятие Иисуса Христа тогда, в 786-й год от основания города Рима. Новой эры еще не было.

Затем эта история в рефлексии потомков все более обрастала смыслом, приобретала масштабность и стала всемирным событием, когда встретила с метафизической идеей спасения и искупительной жертвы. Тогда происшедший факт становится событием и остается в памяти, в истории. А метафизическая идея наполняет это событие историческим смыслом.

Вышесказанное для нас значимо и принципиально. Еще раз повторим логику, точнее, сделаем рефлексивную выжимку сказанному для того, чтобы перейти к нашему главному предмету разговора – метафизическому герою русской истории.

Если для того, чтобы понять и объяснить нечто происшедшее (см. первый уровень), необходима метафизическая идея (пятый уровень), и она дает более полный и окончательный ответ на вопрос – что же все-таки произошло, и если историки всегда стремились исчерпать событие, дойти до окончательного объяснения и тем самым раскрыть исторический секрет, то тогда она, эта история, всегда была закрыта и готова, не хватало только некоторых источников, чтобы исчерпать событие, остальное можно было додумать. Уже заранее предполагалась принципиальная возможность исчерпания истории, точнее, исторического события. Она в этом смысле уже как бы написана. И событие уже спрогнози-

ровано. Именно поэтому история как наука находится до сих пор в перманентном кризисе и не может родиться как наука: она страдает то натурализмом и эмпиризмом, то спекуляциями и теоретизмами. Но главное – она страдает от заранее положенных метафизических идей Бога и Человека. И этот положенный символический горизонт предопределяет историческое видение события.

В современной онтологической ситуации этот горизонт ушел. Нам нужен не новый горизонт, а принципиально иное понимание роли горизонта как положенной рамки в пользу принципиальной событийной открытости, принципиальной свободы от готовых метафизических рамок (не отказ от них, но установка на их гибкость, мембранность, ситообразность). Метафизическая идея не должна быть жесткой рамкой, не должна быть Берлинской стеной, проникновение через которую чревато расстрелом. Она должна быть в принципе переходимой и прозрачной. Поскольку все пять стадий-уровней исторического мышления необходимо всякий раз проходить и потом повторять заново.

Только в таком случае появляется возможность иной истории – не сборника исторических секретов, а поиска и пути исторической тайны, не в смысле нехватки исторических свидетельств (это всегда будет), а в смысле принципиальной неисчерпаемости исторического события и принципиальной возможности иного пути.

Прецедентов неисчерпаемости события много. Мы говорим о неисчерпаемости истории Иисуса Христа и поэзии А.С. Пушкина. В таком случае событие сродни художественному произведению. Мы имеем дело здесь с настоящим искусством истории, которая себя творит по законам художественной действительности, а субъект истории становится художником, творцом истории.

И это уже не метафора, и речь идет не о тропах и эстетических виньетках, не о внешней эстетической форме, а об органике истории, о том, что истории присуще по своему существу.

Такая история тайны возможна тогда, когда человек, понимающий историю, продельывает на самом себе опыт исторического события, когда он на себе осуществляет поиск тайны и сам меняется, переживает метаморфоз, переживает опыт постижения события, а не просто собирает некие факты и нанизывает их на иглу как бабочек. В последнем случае от события не остается ничего, кроме гербария мертвых муляжей.

Быть русским

После такого большого введения перейдем к вопросу о русской истории.

Для обострения проблемы отойдем немного в сторону и спросим себя, что такое русская философия? Что значит быть русским философом? Это любимый вопрос наших идеологических философов, служителей русской идеи.

Остроумный и глубокий автор А.М. Пятигорский отмечал, что проблема Запада и Востока в свое время была придумана теми, кто нуждался в этом придумывании [9]. В то время как ее просто нет, как нет и проблемы русскости. А есть отдельные люди, личности со своим опытом мышления или его отсутствием.

Современная ситуация в философии, отмечал А.М. Пятигорский, как и сто лет назад, заключается в поиске формы. Добавлю – в поиске формы самоопределения и самопроявления. В поиске философии и любым иным автором (если

он претендует на авторство, а значит, на событийность, а значит, на историю) – формы философствования через отказ от принятых ранее жанров и форм.

В Германии, отмечает Пятигорский, этот поиск начался с Ф. Ницше, в России – с В.С. Соловьева, потом были В.В. Розанов, Лев Шестов.

В России же мы имеем засилье культуры, т.е. обилие разговоров о духовности, о призвании, миссии и проч. Мы повязали себя обязательностью норм поведения и сознания, задаванием границ и образцов. Мы страдаем от засилья идеологием. Мы увлечены думанием об образцах, идеалах, натягиваем на Россию намордник идеала, думаем о ее призвании и миссионерстве. А о самостоятельной мысли забываем, точнее, не пытаемся помыслить самостоятельно. Все озираемся то на Восток, то на Запад. Берем чужой образец, ставший прошлым. Думаем о будущем как о недостижимой мечте. И ищем это будущее опять не у себя, а в чужих краях. В итоге не живем настоящим, не создаем событийности в своей собственной настоящей жизни.

В то же время понятно, что Россия, русский дух, русская идея – не предмет философии. Русская философия слишком увлечена православием, Россией, Духом, культурой. В итоге философии как бы и нет. Поэтому М.К. Мамардашвили говорил, что в России был один самостоятельный философ – П.Я. Чаадаев. Остальные – идеологи.

Нет философов, а есть иные фигуры, иные культурные персонажи, которые отработывали иные культурные практики.

Спросим себя – какой национальности были Адам и Гамлет? Иисус Христос? Дон Кихот? Это не национальные герои. Они – герои метафизические, герои культуры. Они являются носителями метафизической проблематики. Какой национальности человек желания у М. Фуко или человек страдания у С. Кьеркегора? На каком языке говорит человек с Богом? Может ли быть язык спасения и исцеления языком немецким или русским?

В экзистенциальной ситуации онтологического самоопределения, в которой собственно и рождается феномен философствования, человек говорит не на русском или французском языке. Он вообще немеет и теряет дар речи, ища поддержки для понимания своей ситуации.

Гамлет не был датчанином, а Христос не был евреем. Это метафизические герои всемирной истории, авторы событий, которые не имеют национальных границ. Для меня, говорит А.М. Пятигорский, выражение «русский философ» с точки зрения философии является бессмысленным, так же как и «германский философ» [9, с. 276].

А вот Обломов или Евгений Онегин – это сугубо русские герои русской истории, точнее культуры. Они говорят на русском, они понятны русскому читателю.

Есть, правда, открытые культурные герои – это пушкинский Моцарт, его же Медный всадник, его же Пиковая Дама, а также Герман, за которыми стоят метафизические сюжеты, равно как есть сюжеты Гамлета и Дон Кихота.

В России же философия с самого начала воспринималась как служанка, принятая на работу для выполнения сервисной функции, для обслуживания чьих-то интересов. Для обсуждения социальных, культурных, национальных проблем. Она не воспринималась как самостоятельная область авторского мышления, имеющая самостоятельную ценность. Философия воспринималась как орудие в

борьбе, как средство борьбы. И сама философская практика воспринималась как поле идеологической борьбы. А посему и главной проблематикой ее было вопрошание о том, что есть русская идея, соборность, православие и проч. Вне православия русская философия себя не мыслила. В таком случае русский философ постоянно выяснял отношения с властью, с богом, с оппонентом. Но не с самим собой.

В русской философии поэтому нет опыта медитаций один на один, как у Р. Декарта, нет опыта построения из самой себя рефлексивной системы критической философии, как у И. Канта. Нет опыта феноменологических редукций, как у Э. Гуссерля.

Единственный пример авторского мышления П.Я. Чаадаева до сих пор непревзойден. Кстати религиозность П.Я. Чаадаева не мешала ему быть автономным мыслителем*.

Философия, отмечал тот же А.М. Пятигорский, не вырастает из почвы, из культуры, будь последняя сколь угодно развитая. Философия – это случай, прецедент. Она случается в лице конкретного философа.

Так и с историей. Происходит история, т.е. случается нечто. И потом это нечто становится событием и возможно может стать историческим событием.

Безличность и безадресность русской мысли давно отметил Н.А. Бердяев в своей «Русской идее» [1]. На фоне наших размышлений замечания Н.А. Бердяева кажутся вполне уместными и поучительными.

Он писал, что русская идея – это идея спасения, но всем миром. Спаситься можно только соборно. Идея личного спасения – не русская идея.

Русская идея – идея обетования, поиска Царства Божия на земле. Но на земле все несовершенно. Мир несовершенен, плох, страшен. Это прошлое мира должно быть разрушено.

Тем самым рождается идея революции, которая привносится со стороны, с Запада, потому что здесь в этом мире образцов нет. А на Западе есть. Каждый человек в этом революционном порыве – жертва. Человек должен погибнуть, чтобы очистить этот несовершенный мир. Таким образом, русская идея анти-человечна. Русская идея требует жертвенности, гибели. Пусть погибнут миллионы, но наступит царство всеобщего благоденствия.

Коль скоро Царство Божие наступит сверху как идея соборного спасения, оно будет спущено нам сверху как милость Божия, не будет выстрадано и выращено снизу, то мир всегда будет несовершенен, поскольку он всегда будет не соответствовать идеальному образцу, спущенному сверху. Поэтому Россия всегда на перепутье, в поисках своего призвания и самоопределения.

---

* М.К. Мамардашвили отмечал в другом месте, что на русской истории лежит печать инертности. Эта инертность была отмечена единственным обладателем автономного философского мышления в России П.Я. Чаадаевым [7]. Мамардашвили констатировал, что Просвещение в России потерпело поражение, и из этой констатации родилась его философская мысль, мысль автономная и метафизическая. В то время как Просвещение и Евангелие совершенно необходимы для начала философии. Что возрождалось в эпоху Возрождения? Идея права и внутренней речи, идея Евангелия как прямой речи, прямого взаимодействия Бога и человека, без посредников в лице церкви. И в русской мысли импульс, данный Чаадаевым, угас совершенно бесследно. Он остается одиноким феноменом, не создавшим традиции автономной философской мысли.

Коль скоро верхняя религиозная русская идея идеальна и совершенна, коль скоро в этом мире она не реализуется, то она существует в мечтах, утопиях, снах, галлюцинациях.

Революция становится реализацией этой мечты, утопии. Мечта всегда остается и неосуществимой тайной. Этот мир, мир быта, дома, уюта и комфорта, повседневности надо уничтожить. Отдать в жертву, разрушить.

Но чтобы разрушить, нужны машины разрушения. Рождается тоталитарный режим как машина разрушения. Тоталитарный режим становится воплощением и следствием реализации русской идеи. И тогда другой наш пророк А.А. Зиновьев говорит, что коммунизм и есть воплощение русской цивилизации. Сталинский режим и есть то, чего мы достойны, то наше, что только и возможно в нашем мире. Мечты о реальной свободе личности остаются мечтами. Это не наше, не русское.

Русская идея становится тюрьмой настоящей свободы частного лица.

А частное лицо и есть герой философии. Сократ и П.Я. Чаадаев – классические идиоты мировой философии. На фоне тоталитаризма русской идеи занятие философией становится уделом частных лиц, идиотов, отщепенцев. Изнанкой этого идиотизма становится юродивый, божий человек. Сильным можно стать здесь только понарошку, как юродивый, потешный царек.

Тогда рождается феномен самозванства – символа царства юродивых и скоморохов, потешных властителей, возникающего на пустом месте, где власть испытывает разрушение, кризис, она не освящена Богом.

Но с победой молоха революции потешки заканчиваются. Наступает ночь. И человек засыпает в страхе на казенной койке в этой казарме всемирного соборного «человечника», а вокруг гулким эхом и стоном раздаётся общий вздох спящих в страхе людей, видящих сны о всеобщем счастье и спасении.

Снова русский Гамлет

Первым поводом для написания данной работы было мое знакомство с последними текстами М.Я. Гефтера, известного историка и философа. Они были опубликованы в сборнике «Иное», вышедшем в 1995 г. под редакцией известного интеллектуала и предпринимателя С.Б. Чернышева [5].

В этом сборнике целая группа московских интеллектуалов ставили фактически один вопрос – что такое русское и российское самоопределение и по-разному сами отвечали на него.

При этом меня интересовал ответ на этот вопрос не в жанре национальных, экономических, культурных версий, концептов и категорий, а в форме прецедента самоопределения русского человека в русской культуре, т.е. как личный ответ в духе П.Я. Чаадаева.

И я нашел один такой ответ – в лице работ М.Я. Гефтера.

Далее я попытаюсь на материале его текстов последних лет, в качестве комментариев к ним, записок на полях, поговорить, что есть прецедент такого русского самоопределения, причем в современной социокультурной ситуации и увязать его с предыдущими прецедентами, первый из которых также понятен – это П.Я. Чаадаев.

Естественно, я читал Гефтера через призму тех смыслов, которые я изложил выше в этом тексте.

Итак, все по порядку.

Привычно обсуждать историю в категориях конкретных примеров, событий, войн, подвигов, великих личностей. И по поводу их выстраивать конструкты и концепты.

Читая Гефтера, видишь, что перед тобой почти нет какого-либо эмпирического материала. Но нет и теоретических построений. И нет исторических героев.

Есть один герой – сам Гефтер. Точнее, его мысль. Посредством движения его мысли, его логики строится фактически главный смысл истории – история мысли автора, история его мышления. Но не той *mentality*, которой были заняты в школе Анналов, не структуры коллективного сознания и не сознания толпы, а сознания сугубо частного человека, идиота, в данном случае Гефтера.

Проза Гефтера – экзистенциальные записки, это биография идеи. Рефлексивное путешествие по лабиринту сети культуры.

За Гефтером, конечно, стоит фигура Чаадаева, это понятно. И линия мысли вполне понятна: Гамлет–Чаадаев–Гефтер.

Чаадаев признавался, что он служит не Отечеству, а небу, истине. А патриотизм – убежище негодяев, это известно. Россия для Чаадаева находится до сих пор на перепутье, ищет бессмертную идею Бога, точнее, ее воплощение у себя, на своей земле. И никак не находит. И не находя, берет чужие одежды, примеряет их на себе, носит пиджак с чужого плеча. Как подросток примеряет отцовскую шинель, она ему велика. Он тонет в ней.

Так и Россия-подросток все примеряет чужие и, как правило, военные одежды, добытые в ратных битвах трофейные вещи. После очередной военной кампании в моду входит то немецкое, то французское, то английское, то снова французское.

А русское находится где-нибудь на завалинке, за печкой.

В общем, истории своей как бы и нет. Этот поиск земли обетованной, царства Божия на земле никак не заканчивается. История России в этом смысле – это только история поисков, история возможностей. История не ставшего и не сбывшегося идеала. Поэтому и герои у нее – все утописты, неуместные, убогие и ущербные. И главный герой – юродивый, потешный царек, играющий во власть понарошку.

Утопизм идей и утопизм людей – их неуместность, никчемность идиотов чаадаевых и гефтеров вызывает усмешку у знатоков, надутых и важных академиков, научившихся в немецких университетах уму-разуму и считающих, что они-то знают истину и смысл русской истории. Поэтому заметки Гефтера не воспринимаются за историю, а письма Чаадаева не считаются вполне философией.

Поэтому постоянные повторы и рефрены Гефтера на чаадаевские контексты – вполне осознанный ход. Постоянные смысловые рифмы из него и явные и скрытые цитаты.

Но именно в этой истории частного сознания и рождается возможность выбора. Она ведь рождается в одиночестве, «поверх барьеров». Поверх голов, поверх лет. И вот это самое движение по осуществлению выбора и есть собственно история. То есть поиск идеи Бога, в ходе которого, т.е. поиска, изменяется сам человек, субъект поиска. Это изменение субъекта поиска, выстраивание его траектории поиска и трансформации и есть собственно история.

Такой поиск, разумеется, идет в жанре вопрошания. Этим вопрошательным жанром Гефтер, спотыкаясь, наощупь, ищет наиболее адекватную культурную

форму российского самоопределения, пытается обрести собственную субъектность, потому что понимает, что все доньше находимые формы идентичности – пиджаки с чужого плеча.

И Гамлет, и Чаадаев, и Гефтер – вопрошатели, ищущие и не находящие ответа. Ведь вопрос звучит особый – не как устроено бытие, не как жить, а быть или не быть, и что значит быть? Это вопрос поиска начала.

И с него начинается первое письмо Чаадаева. Сам Чаадаев – воплощение вопроса о том, что значит переначать свою историю. А вопрос без ответа – это ведь сумасшествие. Человек, не находит ответа, теряется, ища подпорки, не находит их и начинает дергаться в конвульсиях.

Но мысль остается, вопрошание остается: что значит начать свою историю, не повторить, а переначать. То есть опять все заново!

Переначать историю, не имея ее готовой. Будущего нет, но именно нам (мне!) придется ее переначать, предстоит сделать заново.

Гефтер настаивает: история начинается не там, где некое событие становится прошлым, буквально прошедшим, вчерашним. Прошедшего может быть много, а истории нет. У России много прошедшего, но своей истории нет, она начнется у нее завтра, в будущем. Она начинается с самоопределения, с рождения своего субъекта, своего героя. У России долгое время не было именно самоопределения, становления субъектности. Она все искала своего культурного героя и никак не находила.

Поэтому всякий раз заново она ставила онтологический вопрос, занималась вопрошанием о переначинании. Она застряла на перегоне, на перепутье.

Если же искать своего культурного героя, то вот он и есть – это Гамлет. Получается, что в постоянном поиске своей культурной идентификации этот герой постоянно и всплывает. Уж русского гамлетизма в нашей культуре хоть отбавляй. Но если отбросить всякие моды и увлечения, то смысл остается. Иного героя и быть не могло в ситуации постоянного вопрошания.

Отношение Гефтера к Гамлету очень осознанное и личное. Он признавался, что был околдован этим гениальным текстом, который побуждал искать отгадку проблемы Гамлета*. Слабого и бессильного Гамлета для него не существовало. Гамлет рождается в силе. Потому только он и задается онтологическим вопросом. И врагом Гамлету является не Клавдий, а Отец-призрак, вымогатель клятвы. Гамлет стал заложником клятвы верности, он запутался в обете верности, попав тем самым в тюрьму души. И Гамлет пытается вырваться от чужого слова, и тем самым попадает в ситуацию раздвоенности – он одновременно слуга и бич Бога и Времени.

---

* Проблему Гамлета подробно обсуждал в своих работах и автор этих строк (см. подробнее [10; 11]). Не имея возможности здесь подробно разбирать и разворачивать свою аргументацию, скажу только следующее. Проблема Гамлета рождается на разрыве между Гамлетом сильным и Гамлетом слабым. Между белым и черным. Между тем, кто бросает вызов небытию, и тем, кто убоился. Примерно про это писал и Выготский [2]. Но он обсуждал при этом мистический, религиозный смысл истории. А я – сугубо антропологический. Гамлет убоился беспомощности: «когда бы неизвестность после смерти». Ушел отец, и его уже все забыли. Боязнь смерти после смерти – вот чего боится Гамлет. Его проблема – в расщеплении, в невозможности сопрячь мир памяти и мир забвения. Живем мы только в памяти. Если завтра мы забываем то, что было вчера, то жизни нет. Для нас есть только то, что мы помним. Если чего-то не помним, то его для нас и нет.

В такой ситуации онтологической экзистенциальной раздвоенности и может рождаться реальное вопрошание о новом начале, и в ней – безвременье. История никак не начнется. И время никак не побежит. Все время Гамлет находится в нулевой ситуации.

И Гефтер отождествляет себя, Гамлета и Россию как субъектов истории.

Вопрошатель Гамлет и вопрошатель Гефтер вопрошают о начале, идентифицируются с Россией.

И здесь всегда ситуация одна – Я и Мир.

Я и Мир. Я наедине с Миром.

Гефтер себя ставит в ситуацию такого вопрошания и только так можно адекватно находить, искать формы идентификации и самоопределения России как субъекта истории. Таким аналогом исторической ситуации для России становится как раз ситуация Гамлета. Гамлета, заброшенного на перегоне, на перепутье, в нулевой ситуации онтологического самоопределения.

Гефтер так и пишет: «...в первых вопрошателях – Россия. Начала спрашивать в XIX в., не кончила в XX в. Вопрошатели спотыкались и гибли, а вопрос выжил. Разветвился судьбами, окреп плотью, словом, усугубился смыслами...» [5, с. 21].

Наиболее артикулировано у Гефтера ситуация Гамлета описана так:

«Это ад одиночности среди человечества, которого нет. Ад внутренней речи вслух... Это мир прерванного Бытия; время, вышедшее из своих суставов. Это вопрошание о том, быть ли Человеку в человеке и Времени – в простом времени? Отказ от простой человечности ради рождения человеческого в человеке.

Быть России или не быть России?...» [5, с. 176].

В такой ситуации постоянного вопрошания Россия становится даже не страной, а страной стран: Россия – это модель мира миров, это не страна. Это страна стран. Мы – кентавр отроду, наследники разных начал. Мы долгое время были и остаемся полигоном, на котором человечество отработывает свои проекты [5, с. 465]. Россия – мир в мире. Существованием своим запрашивающий человечество: быть ли ему или не быть [5, с. 41].

Именно нулевость ситуации и задает принципиальную возможность разных векторов дальнейшего движения. Никто не знает, куда плыть России. Куда идти Гамлету. Есть принципиальная открытость и возможность всякого пути. Тем самым ставится под вопрос единственность поступательного движения и прогресса типа европейского. Именно Россия-Гамлет поставила под вопрос западную версию исторического прогресса. Держава-чудище не укладывается в эту схему.

Поэтому история и начинается каждый раз заново. Она и есть история как новое начало. Повторение чужих задов не является историей. История суть развертка и поиск ответа на онтологический вопрос о начале. История не является разлиновкой готовой линии, а каждый раз начинается с попадания в нулевую ситуацию и переименованием и вновь осуществлением исторического самоопределения. Не куда идти вперед, а что значит начать. Начать новый праздник возрождения.

История не должна быть реализацией заданной идеи, как это привычно думать в западной традиции (см. выше Коллингвуда об идее истории).

История есть разворачивание и становление субъекта истории в его действии здесь-и-теперь. И это разворачивание и содержание его становления зависят от его самоопределения в нулевой ситуации вопрошания о начале.

А поэтому у Пушкина «народ безмолвствует». Из данности история становится в открытую проблему. Способна ли Россия стать субъектом истории?

Потому мир миров становится символом России как полигона множества возможностей. И из этой шизофренической ситуации она никак выйти не может.

Точнее так. Это не ситуация выбора между двумя наличными вариантами, не сидение в ресторане и не рассматривание меню. Готовых вариантов нет. Это нулевая ситуация принципиальных возможностей. Шизофрения начинается тогда, когда есть готовые варианты и они одинаково давят на человека, испытывающего синдром буриданова осла, помершего из-за того, что тот не смог выбрать между двумя стогами сена.

Готового сена нет. Есть нулевость. Это выбор в принципиальной неизвестности. Самоопределение – не ресторанный выбор между котлетой по-киевски и овощным рагу.

Но вот чтобы осуществить эту практику самоопределения, необходимы средства. Гамлету не хватает средств. Рот закрыт, немеет язык. И он прибегает к метафорам, символам.

То же самое делает Гефтер. Он не может адекватно по-научному и ясно описать свою ситуацию самоопределения. И он вспоминает свое детство.

Он вспоминает себя, мальчика, стоящего на балконе. Вспоминает свое состояние, которое он тогда переживал. Это воспоминание всегда остается при нем [5, с. 18].

Он помнит, как он стоял на балконе и вдыхал, ловил сладкий южный ветер, вбирал в себя состояние воздушности и легкости (как легкое дыхание у Бунина). Он помнит это состояние, но умом. Оно ушло. И никогда не вернется. Он его потерял. Утерял ту легкость как ощущение себя целокупным с целым миром, когда нет разрыва внутри себя и вне себя, когда ты в единстве с Миром и с собой. И чем дальше, тем реже это ощущение легкости и счастья.

В нулевой ситуации, чреватой всякий раз непредсказуемыми последствиями от собственных действий, в этой ситуации трагизм заключается в том, что субъект (человек или страна) не знает, что будет завтра. И он решается проделывать некий социальный эксперимент, он берет на себя окаянство сделать шаг в пустоту, не зная истинных последствий. Хотя внешне огораживается всякими концептами, теориями, чужими примерами. Феномен России – это всякий раз повторяющийся эксперимент, не единожды ею пережитый, грозящий катастрофой. Причем эксперимент на испытание, проверка на излом. Когда ставится все на кон. И субъект истории становится игроком. Он играет со смертью. История превращается в игровой стол. И принятие христианства, и реформы Петра, и 1917 год – это все социальные эксперименты за игровым столом.

Для постижения таких экспериментов никаких научных средств не хватит. Поэтому по ту сторону добра и зла, после Гулага и Освенцима можно писать только «Калымские рассказы» и спорить с Пастернаком, что так писать, как раньше – безнравственно (см. споры В. Шаламова с Б. Пастернаком [8]).

Гефтеру тоже не хватает средств. И он работает как устный философ, говорящий. Как поэт. Как музыкант. Он строит музыку фразы, которую можно слушать как скрипку. А повторить и записать ее невозможно.

Придется попробовать играть свою партию.

Итак, в ситуации нулевости и принципиальной возможности иных путей набирает силу «энергия отказа». Отказа от готовых сценариев развития. Не надо идти дальше вперед. Не продолжать повторять порочные практики и тупиковые сценарии.

Вместо привычной всемирной истории наступает мир миров. Когда каждый вновь возникающий мир не продолжает предыдущий, а попадает в ситуацию Гамлета и сам решает, как ему быть.

«Идея человечества (идея единственного единства), которая веками вдохновляла людей... будет похоронена. Идея человечества станет навещать наши сны, а вместо нее днем – явь аритмии повседневных существований, где человек только и способен быть сувереном самого себя» [5, с. 32].

Ответ на гамлетовский вопрос не лежит в качестве готового. Ответ – не в одном варианте односторонней силы, действующей по-старому. Ответ – за кадром, вне прошлого. Он – в повседневности, ибо измеряет он себя восходом и заходом солнца, колыбелью и кладбищем, которая вдруг заявила свою суверенность и вселенство [5, с. 36].

Энергия отказа рождается в каждом сердце, в каждом частном смертном существе.

Итак, история – это путь личности. Это пересоздание себя самого. Гефтер делает вывод: Мир теперь – не столько мир этносов, наций, держав-гигантов, стран-карликов, сколько мир отдельных людей в их предельно затрудненных отношениях со всеми отдельными людьми [5, с. 37]. Это мир людей, которые совершают прецеденты второго рождения, рождения субъектов. Гамлет – образ этого субъекта.

Эпилог

Россия, русскость – пустой звук... Россия осуществляет свое самоопределение в лице конкретных людей, становящихся персонажами истории. Русской истории столько, сколько таких актов-прецедентов самоопределения как субъектов исторического действия и авторов исторического события.

Гамлет – метафизический образ героя, с помощью которого осуществляется российское самоопределение, т.е. поиск нового начала.

У Чехова есть рассказ... Ощущение сквозняка...

Можно долго стоять на этом сквозняке, мерзнуть, проклинать погоду, сырость, жалеть себя, наматывая сопли на кулак. Мечтая об уютном уголке, комфорте, достатке. Проклиная власти, Бога и судьбу. И при этом ничего не делая. Но терпеть с мазохистским рвением, выкрикивая лозунги об избранничестве, жертвенности, стойкости русской души.

А можно ничего не говорить. Просто начать делать...

Литература

1. *Бердяев Н.А.* Русская идея: Основные проблемы русской философской мысли XIX – начала XX в. // О России и русской философской культуре. – М., 1990.
2. *Выготский Л.С.* Трагедии о Гамлете, принце Датском // Выготский Л.С. Психология искусства. – М.: Искусство, 1986.
3. *Генисаретский О.И.* Свидание с историей // Кентавр. – 1993. – № 2.
4. *Гефтер М.Я.* Из тех и этих лет. – М.: Прогресс, 1991.
5. *Гефтер М.Я.* Мир миров: российский зачин. // Иное. Хрестоматия российского самосознания. – М., 1995.
6. *Коллингвуд Р.Дж.* Идея истории. Автобиография. – М.: Наука, 1980.
7. *Мамардашвили М.К.* Мысль под запретом. Беседа с А. Эшпелбуэн // Вопросы философии. – 1992. – № 4.
8. Переписка Бориса Пастернака. – М.: Художественная литература, 1990.
9. *Пятигорский А.М.* Индивид и культура. Интервью журналу «Вопросы философии» // Пятигорский А.М. Избранные труды. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
10. *Пузырей А.А.* Манипулирование или майевтика: две парадигмы психотехники // Вопросы методологии. – 1997. – № 3–4.
11. *Смирнов С.А.* Культурный возраст человека. – Новосибирск: Офсет, 2001.
12. *Смирнов С.А.* Человек перехода: Сборник научных трудов. – Новосибирск: НГУЭУ, 2005.
13. *Смирнов С.А.* Антропология перехода. Введение // Человек.RU: Гуманитарный альманах. – Новосибирск: НГУЭУ, 2005.
14. *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек. – М.: АСТ; Ермак, 2004.
15. *Чаадаев П.Я.* Полн. собр. соч. и избр. письма. – М.: Правда, 1991. – Т. 1, 2.